

У поэта не может быть легкой судьбы

Рос. вести. - 1995. - 23 июля - с. 7

Инна Львовна, вспомним ваши строки - об «эпохе, чьи мысли кривые душу живу протерли до дыр»... Вы всегда пишете о том, что выстрадано на собственном опыте, о себе?

- Конечно, пишу как бы для себя, о себе, о своей жизни. Но я ведь не могу жить только своей жизнью. В процитированных вами строках я подразумеваю не только, конечно, себя, но и «душу живу» всей России.

- И все же обратимся к вашей биографии. Когда проснулся поэтический дар?

- Писать я начала очень рано, лет с восьми-десяти. Это была проба импровизационной молитвы вслух. Помню себя с трех лет, причем в церкви, куда ходила с няней и бабушкой, а позже уже одна. Дело в том, что когда началась война, я, тринадцатилетняя девочка, в сущности, осталась без родных: отец - на фронте, мать - далеко. И вот, чаще всего перед иконой Божией Матери я, молясь стихами, просила за отца...

Вообще, как ни странно, уже тогда понимая, что все не так, как о том говорят, ощущала себя во времени: и стоящая перед угрозой «наводнения» (помните у Ахматовой: «Поглотила любимых пучина, И разрушен родительский дом»), и барахтающейся в этом потоке. Моя младшая сестра Тамара навсегда запомнила, как я - мне было около одиннадцати - вытаскивала ее в коридор и сказала: «Томочка, врагов народа нет. Есть только один враг на-

Инна Лиснянская вошла в литературу в конце пятидесятых и сразу привлекла внимание подлинных любителей поэзии. Ее имя тогда было широко известно, а стихи публиковались многими журналами, но лишь до поры. «В ногу со

рода - Сталин. Но ты об этом никому не говори!» Однако, как видите, я оказалась довольно хитра: не высказала свою догадку ни папе, ни маме, которые были партийными, ни школьным друзьям, а лишь сестре, зная, что она умеет молчать. Человек с малых лет старался оградить себя и своих близких от грозящей беды - ареста, тюрьмы, убийства...

Позже я стала записывать стихи. В лет пятнадцать - довольно аккуратно. Но через пять лет стихи-молитвы уничтожила - считала тот поступок своим грехом.

- Это было в какие годы?

- В начале 60-х... Но чуть позже была допущена еще одна уступка: принесла в «Советский писатель» более-менее настоящие стихи, не особо смелые, хотя и такие были, - а в смысле формы. И заведующий издательством Борис Соловьев, хорошо знающий русскую поэзию, читающий, скажем, наизусть в кругу знакомых, вне стен издательства Ходасевича, Мандельштама, Ахматову, изрек: «Вы пишете много. И у вас есть много плохих стихов. Их - и давайте! А эти - забирайте назад. Нам не нужна ни вторая

Ахматова, ни вторая Цветаева!» На что я ответила: «Вам и первые не нужны». Стыдно: я не сумела отказаться от подобного предложения, но только что сама из больницы, и дочь моя, ныне писательница Елена Макарова, три года еще должна была находиться в ортопедическом корсете в санатории. Так, в 1966 году вышла третья книжка «Из первых уст». А дальше до 1978 года меня и вовсе не печатали. Четвертую книгу «Виноградный свет» урезали до четверти первоначального объема...

- Ну а после публикации в «Метрополе» жизнь стала еще труднее? Ведь в этом альманахе принял участие и ваш муж - поэт Сергей Липкин...

- Когда нам предложили представить что-либо «Метрополю», естественно, я не отдала стихотворений с резким привкусом неприятия режима, которые просто опасно было показывать. Принималось же составителями «Метрополя» то, что было на грани протеста против существующей цензуры, то, что забраковывали редакции. Последствия не заставили себя долго ждать. И все же время, связанное с «Метропо-

временем» она идти не хотела, громкой славы не обрела. Зато сохранила свободное дыхание и чистоту голоса в поэзии.

С Инной ЛИСНЯНСКОЙ беседует корреспондент «РВ» Елена КОНСТАНТИНОВА.

лем», кажется мне не только трудным, но и прекрасным. Я была насильственно освобождена от поденной работы - ведь зарабатывала переводами, от бесконечных связанных с ними телефонных переговоров с редакторами. Да, нас довольно сильно притесняли, подходили на улицах в укромных местах с ножами, вторгались в наше отсутствие в дом и переворачивали все вверх дном...

- А почему вы, как вам предлагали, не уехали?

- Выход из Союза писателей Липкина и меня власть предпочла объяснить себе и другим, главным образом писателям, якобы нашим стремлением покинуть Россию. Им надо было показать, что нами джигала не совесть, а корысть. Но мы этой радости не пожелали им доставлять и выезжать за пределы России не думали... Они же хотели быть уверенными в нашей корысти.

- Вы ведь имеете в виду конкретные фамилии?

- Да, но не буду их называть. Скажу лишь, что это вполне преуспевающие люди, те демокра-

ты, которые абсолютно перелицевались.

Но я не считаю свою судьбу тягостной. Да - преследовали, да - угрожали, да - вызывали. Но у других - еще хуже!.. Как я могу сетовать на свои лишения, если в то самое время, когда меня только готовились выселить на Восток, в Горьком открыто измывались над Сахаровым?! Впрочем, у истинного писателя вообще не может быть легкой судьбы. А у поэта - тем паче. И путь поэта, выражающего роковую минуту, то есть свою эпоху, - всегда Исход из рабства в свободу обетованную и одновременно жертвенно-мученическая дорога на Голгофу. Даже в тех редких случаях, когда поэта не распинают...

- Это вы о сегодняшнем времени?

- Сейчас у нас трудное время. За исключением какой-то прослойки всем живется нелегко. В том числе и писателям. Но спасение вижу только в одном - смирении, работе, труде. Надо претерпеть.

- Инна Львовна, вы живете сегодняшним днем?

- Если жить сейчас будущим - надо просто собрать свои вещи и

пойти на лечение в сумасшедший дом. Не надо быть ни поэтом, ни писателем, чтобы не ощущать тех неприятных возможностей, которые нам грозят. Но сегодняшний день важен... Только и то, что было вчера нельзя перечеркивать. Нынче же литераторы разошлись кто куда, довольно распространены тенденции отрицания. Но, скажем, те, кто выступает против Солженицына, высказывая какие-либо недостатки, похоже, совершенно забыли о том, как когда-то сами настраивали свои радиоприемники на Би-би-си и ловили каждое его слово... А совсем молодые сочинители проявляют агрессивность уже по отношению к поэзии Бродского. Считаю, что это дело не благодатное, губительное для отрицающего и хулящего. Конечно, бывают принципиальные различия, существенные претензии у того или иного поэта к своему собрату по перу. Но еще никогда и никто за счет поношения другого не обрел своего места под солнцем.

Фото Анатолия Хрупова.

